

Инвестируя в этот детский дом, Сы Ханьцзюэ специально организовал учебные классы и пригласил учителей. Дети младшего возраста получали образование, пока не покидали детский дом. Это были немалые вложения, но Сы Ханьцзюэ считал их стоящими.

Когда они вошли, как раз была перемена. Дети с шумом и смехом гонялись по спортивной площадке и коридорам. Увидев Тан Сяотана, шумная малышня на мгновение затихла, а затем, словно вырвавшиеся на волю монстрики, набросилась на него, окружив плотным кольцом. Мягкие детские голоса наполнились безмерной радостью:

— Братик Сяотан!!!

— Братик Сяотан пришёл!!!

— Братик Сяотан, ты так давно не приходил!!!

— Братик Сяотан? — Глаза Тан Сяотана округлились, как у оленёнка, словно маленький котёнок, которого обступили желторотые цыплята. Хотя сам он только недавно оказался в мире людей, его сердце мгновенно растаяло.

Братик Сяотан, хе-хе, Конфетка уже взрослый, может заботиться о детях!

Тан Сяотан прищурился, чистые зрачки наполнились переливающимся светом, он достал из кармана конфеты и стал угощать детей.

Гу Пэн не выносил такой суеты и заранее встал в угол, холодно наблюдая за ними.

Стены коридора учебного корпуса были цвета морской волны, на них были нарисованы клубящиеся, словно белая вуаль, облака. Повсюду висели пёстрые плакаты, все в наивном детском стиле, с яркими, сочными красками, крупными мазками. Куда ни падал взгляд — всюду были весёлые мультяшные персонажи. Взрослый парень, окружённый кучкой детей, у каждого в руке по несколько сладких жележных конфет. Тан Сяотан смеялся беззаботно и сияюще, безоблачно, слаще любой конфеты.

Весь этот похожий на сказку коридор раскалялся и сиял в лучах этой маленькой солнышка улыбки.

Бывают ли на свете такие люди?

Кажется, они существуют вне мирской суеты, их счастье идёт от чистого сердца, и даже хаотичный, сложный мир в их глазах становится мягким и сладким.

Перед ним было даже как-то неловко ругаться, боясь, что малейшая пылинка упадёт в его безупречный мир. Вся мрачность и тьма в собственной душе становились такими беспомощными, что не оставалось даже сил для зависти.

Рука Гу Пэна, засунутая в широкий карман, слегка дрожала. Зависть, ревность и это желание, чтобы другие тоже гнили в грязи, как и он, извивались и распухали, подобно змее фараона. Гу Пэн с ненавистью смотрел на Тан Сяотана, его дыхание даже участилось.

Тан Сяотан, кажется, почувствовал его настроение, резко обернулся, склонил голову набок и, улыбаясь, поманил его.

— Иди сюда поиграть!

Гу Пэн шмыгнул носом, и вдруг ему стало ужасно обидно.

И обидно, и стыдно, что это за маленький ангел, а он, чёрт возьми, хотел сделать его таким же несчастным, как сам.

Эмоции взлетели до небес и тут же рухнули, в следующее мгновение Гу Пэн захотел предать себя мучительной казни.

Причинять вред такому маленькому ангелу — значит лишиться конфет.

Гу Пэн некрасиво усмехнулся, и тут же его окружила толпа детей, забросав вопросами: откуда он, тоже пришёл навестить их, умеет ли печь торты, рисовать, катать на спине?

Гу Пэна тянули то туда, то сюда, он вертелся, как неутомимая неваляшка.

Директору, которому уже было под восемьдесят, сообщили, что пришёл Тан Тан, и он, опираясь на трость, вышел его встретить. Учителя и воспитатели шумной толпой подошли поздороваться, хотели проводить Тан Тана в кабинет, посидеть, пообедать вместе.

Шумно было, как на праздник.

Тан Сяотан широко раскрыл круглые глаза.

Кажется, все его очень любят.

Кажется... все принимают его за того человека по имени Тан Тан...

Неужели тот человек тоже такой же милый, как он?

Тан Сяотан втайне подумал об этом немного и решил, что всё же Конфетка милее!

* * *

Сы Ханьцзюэ уже давно закончил совещание, разобрал все дела в кабинете, скрестил руки, упёрся костяшками длинных пальцев в подбородок, уставившись на телефон.

Спустя несколько минут раздался оглушительный звонок от Цзян Юя.

Сы Ханьцзюэ тяжело вздохнул и ответил.

Цзян Юй затараторил, словно мотор:

— Босс, Сяотан пропал!

Сы Ханьцзюэ резко вскочил:

— Что ты сказал?

Цзян Юй, в голосе которого слышалось отчаяние, продолжил:

— Вы же сегодня не брали Сяотана на работу, он должен был быть дома, верно? Я привёл рабочих устанавливать камеры, обыскал всё, Сяотана нигде нет, искал даже в саду на террасе, его просто нет дома!

Цзян Юй перевёл дух:

— Я звал его несколько раз, Сяотан такой послушный, не стал бы так неуместно шутить. Босс, может, кто-то проник внутрь...

Сы Ханьцзюэ весь напрягся, холод распространился от кончиков ушей по всему телу, в телефоне не было слышно даже дыхания.

Без предупреждения на небе сгустились огромные тучи, свет внезапно померк. Стоя у панорамного окна на высоте нескольких десятков этажей, отчётливо слышался рёв ураганного ветра. Сы Ханьцзюэ словно опутали колючие лианы, в сознании всё было залито кровью.

Он глубоко вдохнул.

Снова накрыло биполярное расстройство.

То самое знакомое ощущение: тяжесть в груди, головная боль, ком тёмных туч застрял в сердце, извергая разрывающие его молнии.

Мужчина сжал пальцы, аккуратно подстриженные ногти впились в ладонь, оставив кровавые следы.

Цзян Юй, выпалив всё это одним духом, вдруг резко замолчал, осознав свою ошибку.

У Сы Ханьцзюэ было биполярное расстройство. Особенно когда касалось того, что было для него важнее всего, что он хранил в глубине сердца — будь то любовь или ненависть, — прикосновение к этим вещам вызывало яростную вспышку негативных эмоций.

У Цзян Юя похолодело внутри. Неудача.

На том конце провода долгое время царила тишина, такая долгая, что даже самому Сы Ханьцзюэ стало странно.

Давящие эмоции, от которых нечем было дышать, по-прежнему тяжело лежали на сердце, но не вырвались наружу.

Голова по-прежнему немного болела, но сознание было ясным.

Даже более спокойным, более устойчивым.

Биполярное расстройство накрыло, но не разразилось приступом.

Из-за многолетней болезни его рука уже потянулась к ящику стола, где лежали обычные лекарства. Все приготовления были сделаны, но эта нечисть, словно злой дух, так и не вырвалась.

Сы Ханьцзюэ оперся на стол, медленно сел, с недоверием глядя на пасмурное небо за окном, и поднял руку, медленно прижав её к груди.

Края глаз покраснели, во взгляде читалось освобождение, влажная благодарность.

Он спасён.

Его маленькая конфетка спасла его.

Сы Ханьцзюэ сжал тонкие губы, в носу стало заложено, но он спокойно сказал:

— Сяо Юй, не паникуй.

— Сначала попроси рабочих уйти, закрой дверь на замок, позвони в управляющую компанию, пусть проверят записи с камер. Ты продолжи искать дома, я сейчас же возвращаюсь.

Он редко произносил такие длинные фразы одним духом, но сейчас Цзян Юй не обратил на это внимания, лишь с изумлением сглотнул, услышав спокойный и логичный голос Сы Ханьцзюэ.

У босса не случился приступ биполярного расстройства.

Цзян Юй потерял глаза. Никто лучше него не знал о страданиях Сы Ханьцзюэ. Когда Сы Ханьцзюэ был ещё старшекурсником, Цзян Юй часто видел, как он ходил к психологу. Юный Сы Ханьцзюэ был не по годам серьёзен и трудолюбив, ежегодно получал высшую стипендию, но всё равно, словно одержимый, искал возможности для стажировки и работы. В самые трудные времена Сы Ханьцзюэ не спал и не отдыхал целую неделю, а после окончания работы с жуткой головной болью его отвезли в больницу.

Все были заняты, да и Сы Ханьцзюэ был слишком замкнутым, поэтому лишь разгильдяй Цзян Юй сбегал в больницу ухаживать за ним несколько дней.

Тогда Цзян Юй лишь знал, что Сы Ханьцзюэ — младший сын семьи Сы, и даже подтрунивал над ним: «Мы же оба богатые наследники, старший, ты слишком усердствуешь».

До того года, когда умерла бабушка. Тогда ещё юный Сы Ханьцзюэ, окутанный аурой убийственной холодности, вернулся на родину, чтобы организовать похороны старушки. Используя полученные невероятным трудом способности и связи, он нанял юристов, подал в суд, оспаривая наследство у могущественного Сы Чэна. Журналы и новости всю трубили о бессердечии и холодности младшего сына: не прошло и семи дней со смерти старушки, а он уже судится с родным братом.

Только тогда Цзян Юй от других узнал о всей этой грязной истории семьи Сы. Юный и пылкий Цзян Юй не смог остаться в стороне, немедленно вернулся на родину, чтобы помочь. Непрístupный Сы Ханьцзюэ, привыкший держать всех на расстоянии, молча позволил Цзян Юю вмешаться в своё самое неприглядное прошлое.

Потому что, когда он болел, лишь Цзян Юй навещал его.

Смерть бабушки стала спусковым крючком для биполярного расстройства Сы Ханьцзюэ. С тех пор двадцатилетний Сы Ханьцзюэ, неся на себе тяжёлый груз психического расстройства, шёл вперёд, под гнётом Сы Чэна и Сы Буфана прокладывая путь в бизнес-битвах, который можно было назвать кровавым.

Цзян Юй, бесхарактерный, прикрыл рот рукой, закивая, как марионетка:

— Хорошо, сейчас же всё устрою.

Со слезами на глазах он подумал: что же излечило застарелую болезнь Сы Ханьцзюэ?

Конфетка.

Рабочие уже установили камеры, Цзян Юй немедленно рассчитался с ними и попросил удалиться, запер дверь, связался с управляющей компанией, чтобы проверили записи с камер, и так далее.

<http://bllate.org/book/15589/1395464>